

**ДРУЗЬЯ, УНИВЕРСИТЕТ, УЧИТЕЛЯ, КОЛЛЕГИ, НАУКА,
ЖИЗНЬ В ОБЩЕМ В ПИСЬМАХ
ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ ФРЕЙДЕНБЕРГ**

Нина Владимировна Брагинская

Профессор, главный научный сотрудник факультета гуманитарных наук,
Институт классического Востока и античности,
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
профессор Института восточных культур и античности Российского
государственного гуманитарного университета.
E-mail: nbraginskaya@hse.ru, 1satissuperque@gmail.com

**FRIENDS, UNIVERSITY, TEACHERS, COLLEAGUES, SCIENCE —
LIFE IN TOTO IN THE LETTERS
BY OLGA MICHAILOVNA FREIDENBERG**

Nina V. Braginskaya

Professor, Chief Research Fellow: Faculty of Humanities Institute
for Oriental and Cassical Studies National Research University
Higher School of Economics, Professor: Institute for Oriental
and Classical Studies Russian State University for the Humanities.
E-mail: nbraginskaya@hse.ru, 1satissuperque@gmail.com

Предисловие к публикации избранных писем О. М. Фрейденберг с 1911 по
1940 гг. друзьям, учителям, ученикам и дяде Л. О. Пастернаку.

Forword to publication of the selected letters from the period from 1911 to 1940
addressed to friends, teachers and students and uncle Leon Pasternak.

Ключевые слова: О. М. Фрейденберг, О. Уайльд, Г. де Мопассан, О. Шпен-
глер, Б. Л. Пастернак, Л. О. Пастернак, О. В. Орбели, Р. А. Орбели, И. И. Тол-
стой, С. А. Жебелев, Г. Ф. Церетели, В. М. Истрин, И. Г. Франк-Каменецкий,
эпистолярный.

Keywords: O. M. Freidenberg, O. Wilde, G. de Maupassant, O. Spengler,
B. L. Pasternak, L. O. Pasternak, O. V. Orbeli, R. A. Orbeli, I. I. Tolstoy, S. A. Zhe-
belev, G. F. Tsereteli, V. M. Istrin, I. G. Frank-Kamenetskiy, epistolary.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-2-159-171

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) писала много писем: родным, близким, друзьям, ученикам, коллегам, «жилтоварищам», местным и центральным властям, один раз О. Шпенглеру, еще А. В. Луначарскому, Н. Я. Марру, а когда вышла в «Известиях» разгромная рецензия на «Поэтику сюжета и жанра» (Лейтейзен, 1936), то и Сталину. Она умела писать огненным пером, но обладала также исключительным даром комического (Костенко, 2018: 145–148; Фрейденберг, 1995: 272–297; Фрейденберг, 1994, 1994: 100–105). Естественно, она не хранила копий своих писем, хотя иногда делала из них выписки в памятные блокноты, а некоторые переписала в свои мемуары «Пробег жизни». И писем, ей адресованных, сохранила очень немного. Берегла письма Бориса Пастернака. Золотая ленточка, которой была перевязана их пачка, и место пачки — на самом дне железного сундука — говорят о том, что эти шли по разряду сокровищ.

Переписка брата и сестры (1910–1954) — самая длительная у того и другого, надо думать, одна из самых продолжительных переписок вообще¹. Она прогремела на Западе в 1980-х, после публикации английского перевода, вызвавшего большую прессу. За английским переводом последовали переводы на многие европейские и не европейские языки. Вышедшая в США в 1981 г. и почти недоступная в СССР книга передавалась из рук в руки для прочтения на одну ночь (Пастернак, 1981).

От знаменитого поэта и писателя естественно было ожидать незаурядности как личности корреспондента, проступающей в эпистолярии, так и самого *письма* этих писем. Но появление абсолютно неведомого ни широкой публике, ни биографам поэта *такого* собеседника Пастернака, *так* владеющего словом, было, конечно, сенсацией. Журналисты поспешили назвать Ольгу Фрейденберг «первой» или «главной» и, конечно, «тайной» (они же не знали!) любовью поэта.

С этим романом в письмах, сложенным судьбой «мальчиков и девочек» (так называлась ранняя версия «Доктора Живаго»), в эпистолярии не только Фрейденберг, но и Пастернака, не сравнится никакая другая переписка, пожалуй, даже с М. И. Цветаевой и Р. М. Рильке (Рильке, 2000).

Тем не менее и отдельные письма Фрейденберг, и не таким адресатам, как ее двоюродный брат, ярки и интересны.

Каковы же источники ее писем, отправленных почтой много десятилетий и даже более столетия тому назад?

¹ Впрочем, гимназическая подруга, Елена Лившиц сохранила письма Фрейденберг за 1905–1953 гг. Переписывались ли Борис и Ольга до 1910 г., мы не знаем. С 1910 г., года поездки в Меррекуль, переписка начинается на таком градусе отношений, по сравнению с которым существовавшие, скорее всего, родственные открытки, поздравления, записки потеряли значение и ушли в небытие. Все сорок четыре года — светлая тень, отброшенная в будущее гуляющими по берегу моря братом и сестрой.

Их сохранили некоторые адресаты или их родные. Они не отнеслись к этим листочкам как к ненужному старому хламу. Письма Борису Пастернаку оказались у его брата, Александра Леонидовича Пастернака (1893–1982). Естественно присоединились к архиву отправителя письма Ольге Владимировне Орбели (Никольской), гимназической учительнице Фрейденберг, потому что весь архив был завещан дочери Орбели кавказоведу Русудан Рубеновне Орбели (1910–1985). Письма гимназической подруге, врачу Елене Семеновне Лившиц (1891–1972) однажды принесла Русудан Рубеновне ее сестра, тоже врач, Роза Семеновна Лившиц (1897–1993), некоторые публикуются ниже. А письма к их брату, хирургу Марку Семеновичу Лившицу (1893–1953) (всего около семидесяти за 1911–1922 гг.) были переданы в архив Фрейденберг через шесть десятков лет после смерти Марка его дочерью Ириной Марковной. Некоторые уже были опубликованы (Костенко, 2017; Брагинская, 2017: 12–15)¹. Сын Ольги Александровны Гутан (1900–1990), Александр Сергеевич Гутан хранит и намерен опубликовать письма Фрейденберг своей ученице и его матери. Письма Софии Викторовне Поляковой (1914–1994), другой ученице Фрейденберг, хранятся в РГАЛИ в составе архива Поляковой². А письма Леониду Осиповичу Пастернаку, любимому дядюшке, сохранились в Оксфордском семейном архиве, поступили в Гуверовский институт (Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers) и были не так давно опубликованы (Костенко, Флейшман, 2017)

Фрейденберг сберегла еще один эпистолярный комплекс — переписку с И. Г. Франк-Каменецким (1880–1937). Отосланные письма оказались у Фрейденберг потому, что Израиль Григорьевич получал их на почте и, прочитав, отправлял назад³. Хотя Франк-Каменецкий был гносеологом и его работы по метафористике библейской поэзии и о Кассирере поныне сохраняют ценность, письма эти философскими не были. Переписка включена в мемуары Фрейденберг, в рассказ о взаимной и при этом несчастной и мучительной любви этих людей, которой при их редкой душевной близости и умственном родстве не суждено было перейти в обычный «роман» или брак. В 1937 г. Франк-Каменецкого сбила машина — нет, не государственная, просто грузо-

¹ См. также письма в настоящей публикации.

² РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76–77.

³ И. Г. Франк-Каменецкий был ученым, получившим широкое философское и востоковедческое образование, профессиональным египтологом и гебраистом. Написано им немного, статьи переизданы (Аверинцев, Франк-Каменецкий, Фрейденберг, 2001; Франк-Каменецкий, 2004). Неопубликованные работы Франк-Каменецкого по просьбе его ученика И. Г. Лившица были из архива Фрейденберг, по-видимому, переданы племяннику автора В. А. Франк-Каменецкому. В 1994 г. одна из этих работ, «К генезису легенды о Ромео и Юлии», была опубликована в российско-американском журнале «Русский текст».

вик. Письмо о его смерти и значении этого человека для Фрейденберг публикуется ниже. Оно адресовано С. В. Поляковой.

В настоящей подборке все письма любимым: любимая гимназическая подруга Елена Лившиц, любимая гимназическая учительница литературы О. В. Орбели, любимый друг юности Мотя (Марк) Лившиц (друзья юности и учителя — это как раз те, кому доверяют и перед кем, стараясь понять себя, отчитываются как перед самим собой); любимый дядюшка Леонид Осипович и любимая ученица Соня. С «дядей Лёнчиком» отношения были всегда самые близкие и простые, так что Фрейденберг могла даже обратиться к нему беспощадную филиппику, памфлет, когда подумала, что деятели еврейской культуры в Берлине заывают Л. О. Пастернака к себе в США, куда большую еврейскую диаспору, неизбежно местечковую по происхождению и нравам, вытеснили погромы начала века. Фрейденберг восприняла это как отказ от свободомыслия и широкого европейского горизонта¹.

Хронологически письма располагаются между предвоенными годами Первой и Второй мировых войн (1911–1940 гг.). Сначала перед нами очень юная девушка, любительница парадоксов и обладательница независимого ума, она восхищается Оскаром Уайльдом и остро чувствует изношенность мира. Затем это сестра милосердия: в мае 1916 г. она обсуждает с Марком Лившицем, военным врачом Первой мировой (и, возможно, одним из прототипов Юрия Живаго²), свой опыт общения с солдатами, то есть в основном крестьянами: «неожиданное, сказочно совершившееся общение с народом дало мне то, что я напрасно искала во всех людях нашего круга и прочих странах. <...> какое блаженство быть в таком близком-близком общении с людьми, любить и быть любимой, быть вне религии, вне сословия и класса, вести интимнейшие социальные и душевные разговоры, узнавать самое неузнанное и новое — и спокойно приложить к своей собственной жизни, к личному опыту своей

¹ «Тупые и бездарные, бесплодные веками, женщина с закрытым чревом, — кто они, эти жалкие людишки с духом эмигрантства, мировые попрошайки, прихлебатели Берлина? Герои Шолома Аша — вот кто они; Америка, да-да, конечно, Америка, свалочное место всех подкидышей цивилизации, зияющая полость беззубого рта, рыночное производство, склеп духа, всемирная пустота! Так вот куда эти негодяи толкают Вас! Да, Берлин в прологе, а эпилог Америка. Это такая же биография для светлого таланта, как для девы Марии земная связь и общественный дом. <...> Поздно, поздно, компатриоты! Поезд ушел, культура промчалась, царство отжило. <...> Только могилы и только беззубые рты. Ваши потуги противостоят мировым велениям — потуги пигмеев, необразованных невежд в своей же истории <...> Мы русские, не евреи. Мы люди иного духа, иной культуры, иных запросов» (Костенко, Флейшман, 2017: 22–23). Это было бы лютым антисемитским выпадом, если не знать (а Леонид Осипович знал!), как совсем еще юная Ольга восстала против замысла своего отца крестить семью. Он был равнодушен ко всякой религии и ради традиции, которую покинул, не хотел терпеть ограничений, какие в царской России налагал на евреев закон. Ольга сочла это предательством гонимых. В семье была громкая драма, крещен в результате был только брат петербургской гимназии и инженерной карьеры ради.

² О знакомстве Бориса Пастернака с Марком Лившицем и чертах биографии и характера, которыми тот «поделился» с Юрием Живаго, см.: Костенко, 2017: 141.

жизни и подумать, что этот опыт не искушал ложно, что все стоит на своем месте, и все старо, и все было одинаково и будет»¹ (в публикуемом ниже письме Марку эта тема вернется). Поздно поступившая в университет Фрейденберг предстает в письмах и как робкая ученица, мечущаяся между специальностями, ищущая руководства, и как сознающий свою ответственность профессор; и как барышня, которая стыдится своей неизжитой и неуместной влюбленности в учителя, но не может закрыть глаза на его — при всем лоске образования и воспитания — ординарность; как вдова своего друга и коллеги, никогда не бывшая за ним замужем; как критик ученой формалистики в сатирических проклятиях (письмо подруге-медичке), как почитатель созидательной аскезы науки в гимне научному методу (письмо дядюшке-художнику): «Научный метод — это мерка мировой линейкой; обладая им, при рассмотрении клетки, или фразы текста, или пласта глины, неизменно задеваешь Господа Бога». Разные возрасты, положения, разные облики, разные стороны обращаются к разным адресатам, и читатель может сложить стереоскопическую картину личности автора и заметить ее устремление к общему смыслу, которое берет верх над частной темой и обстоятельствами послания.

Описывать погоду было, вероятно, эпистолярной нормой, которой следовали гимназистки. Моя бабушка, например, всегда это делала. Письмо шло неделю, десять дней. Я читала с кротким недоумением: где эта погода? куда улетел тот ветер? Для чего эти сводки о здравии гор и облаков?

Когда же Ольга Фрейденберг взялась описывать погоды для дядюшки, то вышла не зарисовка мелькнувшего дня, а картина смены состояний космоса: летейский холод и скованность, теснота, несвобода, распад сменяются открытостью, теплом, движением.

Письмо Пастернакам в Берлин 26.V.1932:

«Боже мой, какой кошмар был эта зима, — хотя стыдно сознаваться в этом, т. к. она прошла на редкость благополучно. Но холод, бездровье, нетопленая кухня, промозглая ванна, арктическая и сырая уборная ... мама, 100 раз на день переодевающаяся — то ватник, чтоб зайти в кухню, то лишнюю кофту прочь, чтоб посидеть в комнате, то платок теплый на грудь и плечи, то долой лишнюю юбку... короткие дни, ветряные, скользкие, из кооператива в кооператив... вечера на службу и со службы, тьма крошечная, скользкота, ветер... Кошмар, честное слово! И так из месяца в месяц, со дня на день — с развалом работы в Институте², с обстановкой туго натянутых нервов, под постоянной угрозой чего-то непередаваемо-страшного, о чем сейчас

¹ Письмо от 26 мая [1916] г. в госпиталь в Трапезунде (Архив О. М. Фрейденберг, Москва).

² Государственный институт речевой культуры (ГИРК). Подробнее см.: Брагинская, 1995: 244–271.

не расскажешь... Ни жизни дома, ни работы, ни науки, ни забвенья на улице и среди людей. Никаких перспектив, ни надежд. Холодная жуть.

И вдруг полная перемена декорации, и то, что казалось наиболее трезвой явью, обращается в сон. Окна вскрыты, дерево распускается под окном, солнце жарит, мостовые сухи! Мостовые сухи! Мостовые сухи! День большой, широкий, светлый!!! Из тюрьмы — на свободу: ходи, дыши, беги, окунайся в жизнь!» (Костенко, Флейшман, 2017: 46–47).

Дальше описан расцвет и в общественной жизни, причем тон описания социальной весны отчетливо хлестаковский, чтобы не сказать «гибристический»:

«В Институте прошла реорганизация, победили молодые партийные силы. Взамен прежнего генерала от марксизма, меня сделали председателем одной из научных секций (групп, у нас это называется “бригада”), т[ак] что я получила командование и широкое организационное плавание, к чему имею природную способность. Моя бригада уже оказалась лучшей, и нас премировали очередным томом инстит[утско-го] сборника, причем к 1 июля этого года надо сдать в печать. Тут и редакторская работа, и с молодежью и т.д. Кроме того, я получила командное же место по общественной линии, одно из самых почетных и центральных — в знак уважения. К 1-му мая мое имя вывесили на красной доске (это форма общественного премирования). А сейчас назначили меня заведующим учебной частью — тоже ответственная работа, очень большая, из области высшего администрирования. И я, молчальница и затворница от дней юности моей, имею свои часы приема и всех должна знать; и все обо всем, и каждая деталь винтика всей машины должна быть у меня на ладони, и со всеми говорить, и всех принимать и объясняться и пр. и пр. Атмосфера доверия опять подняла мои силы (а мне доверяют — исключительно!), а перспектива печатанья (здесь и еще появились кое-какие мелкие возможности и надежды на оные) оживили меня, и я снова стала бодрой и веселой» (Костенко, Флейшман, 2017: 47).

«Молодые партийные силы»... Очень скоро они себя покажут, эти силы... Было ли это мигом обольщения «командными высотами» или мифологическая (а впрочем, почему только мифологическая?) парадигма: чем выше взлетел, тем больней упадешь? Была ли это попытка «меряться пятилеткой» или понятная родным самоирония, особенно в контексте последних слов, словно предрекающих скорую социальную зиму: «Главное — забыть зиму и не думать об ее возврате в жизни... Ах, и зима же была, могу вам сказать! Но зачем думать о будущем или прошлом, когда опять тепло, правда?» (Костенко, Флейшман, 2017: 47–48).

Вознесение и падение гибриста — лишь одна из транскрипций двуединого и внутренне «антизначного» (по терминологии Фрейденберг) мира. Иное его воплощение — пассивно гибнущий, чтобы воскреснуть, жертвенный бог вегетации. Фрейденберг, начавшая свою научную работу с обнаружения позади сюжетной и образной системы и раннехристианских апокрифов, и греческого романа общей мифологемы страстей и деяний божеств плодородия, усвоила себе биографию умирающего и воскресающего божества растительности¹. Тема паки и паки рождения, умирания и нового рождения проходит по ее письмам как отмирание одного «я» и замены его другим. Это она называет «ответом на испытания». И действительно, в ее биографии всякое испытание вело к творческому ответу, резкому повороту. Так, ответами на жизненные крушения, тяжкие страдания и нечеловеческие условия были поступление в университет, работа о романе, написание книг во время бойкота, монографии о Гесиоде после гибели Франк-Каменецкого, целой серии книг в блокаду; смерть матери дала мощный импульс созданию огромного мемуарного произведения «Пробег жизни», а изгнание из университета обернулось трактатом «Образ и понятие».

В письмах мелькают примененные к жизненным обстоятельствам идеи, образы и мыслительные конструкции научных трудов. Не думаю, что всегда происходит сознательный перенос. Мне уже приходилось писать о том, как Елена Лившиц играла для Фрейденберг роль смехового двойника-псевда, ложного временного царя, причем эта тема зарождается в шуточных сочинениях молодости до всех научных трудов, до первой статьи «Идея пародии», до поступления в университет (Брагинская, 1994: 107–115). Обманчивость видимости, ее оборачивание своей противоположностью как мотив, формирующий интригу комедии, но настроенный на мифологических образах света и помрачения, откликается и в письме Орбели (7.6.1920): «И в жизни всегда так бывает: оказалось, что мои пески — камень, неудачи — успех, контуры — основа».

В концепции изменений — не эволюции, но перемен во времени — у Фрейденберг присутствует *увертюра*. Этим словом она называет этап краткого осуществления всего смысла явления. Осуществление забывается, занавес падает, и все начинает разворачиваться с теми же лейтмотивами и переходами заново. В письме Поляковой о смерти Франк-Каменецкого (публикуется ниже) в 1937 г. она пишет: «По-видимому, события сперва полностью и до конца свершаются, а потом, как гром, обращаются в реальность, долетая до наших органов восприятия в виде каких-то чувственных, — подобно атмос-

¹ С. В. Полякова говорила: «У вас биография умирающих и воскресающих богов», и Фрейденберг соглашалась (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 24: [3–3 об.]).

фериическим, — явлений. Этот блеск молнии и грохот грома мы называем реальностью. Да, у судьбы своя физика. За месяц до несчастного случая — Израиля Григорьевича уже не было» (5.6.1937).

Философия, как и наука, была для Фрейденберг не узко профессиональной сферой, а сферой жизни во всей ее полноте. Поэтому, когда она читала Шпенглера или писала ему письмо, это были события биографического значения. Она пишет Соне, пишет о Шпенглере, но так, как обычно ей пишет, *cum grano salis*: «Когда я его читала, мне казалось, что солитер, нажитый мною от омофагии сырых источников, начинает шевелиться и доводить до обморока». Шпенглер был внутренним событием, не имевшим «овеществления», так что в мемуарах Фрейденберг не смогла припомнить, когда она писала Шпенглеру длинное письмо по-английски. Мы знаем, что это был 1925 г., потому что сохранилось письма, в которых она шутливо именем Саваофа заклинает родных в Германии добыть ей адрес философа, «иначе у меня будет разрыв сердца» (16.4.1925). Она просит именно адреса, а не передачи письма в Мюнхен: «я посредничества не хочу, чтоб быть для него совершеннейшей чужой — это с моей точки зрения единственная возможность стать близкой. Впрочем, я ничего не жду, и только хочу дать выражение чувству со-понимания»¹. И с абзаца: «После его книги все и всё кажется мне пресным» (Костенко, Флейшман, 2017: 33). Речь идет о первой части первого тома «Заката Европы» под названием «Причинность и судьба», изданной Academia в 1923 г. в числе первых переведенных философов. В своих записках Фрейденберг вспоминала:

«Много книг я любила, много книг растило меня и делало человеком науки. Однако, по силе впечатления ничто не может сравниться с “Причинностью и судьбой” Шпенглера. Я была, буквально, потрясена.

Закономерность и причинность были впитаны моим мозгом, как нечто первозданное и объективно-сущее. Человеческий скепсис не доходил до них. Шпенглер потому так потряс меня, что раздвинул во мне даже те границы мысли, которые казались не имеющими краев, опрокинул те условности мысли, которые казались совершенно свободными от какой бы то ни было условности. Такой новизны, такой перспективности я еще никогда не испытывала. Словно то, что дается культурой, образованием, воспитанием, средой, книгами, университетом — в один прием, за одно чтение, сразу обрушивалось на мысль, все условное обнаруживало и ломало. Мой мозг был подготовлен к новому. Но моя душа за ним не поспевала. Я не знала в жизни ничего высшего, чем новая точка зрения. Новое в мысли — это по-иному раскрываемый мир божий, щелочка, свежесть воздуха, последняя фотография вселенной.

¹ Шпенглер не ответил неизвестной корреспондентке из России, писавшей на неважном английском.

И то, что показал мне Шпенглер, требовало великой перестройки в моих отношениях с миром, задевало лично меня и лично мою душу. Наука оказывалась условностью, да еще самой узкой и сухой.

Все зашаталось подо мной. Апелляция к сверх-сознанию и к искусству тащила мою душу в самую высшую инстанцию. Глубочайший кризис я переживала. Отказ от причинности означал теперь для меня отказ от науки, только что соорудившей мне жизнь. Среди всепоглощающих, всепотрясающих кризисов молодости: морального — в последнем классе гимназии; бытийного — после смерти от столбняка моего нареченного брата¹, — теперь это был третий страшный выход в свет — философский. <...>

Этот кризис окончился подобно всем на свете кризисом: ничем.

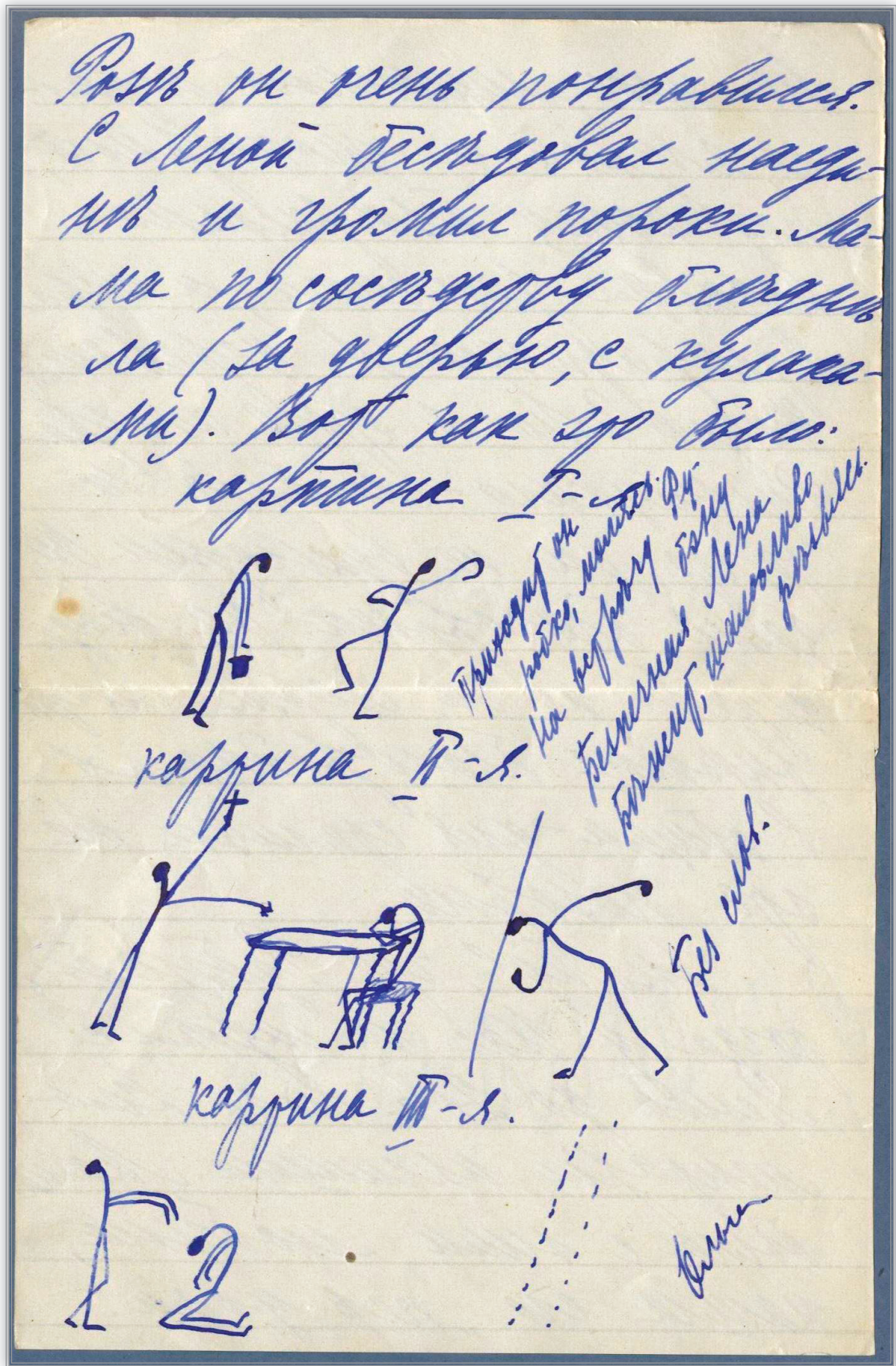
Осталась мыслительная травма. С течением дней наука все больше показывалась мне тем же самым, что и искусство, — объективной иллюзией. Дело в дарованье, которое преобразует мир фактов и творит мир заново. Субъект и объект должны быть первоначально слиты — в этом главное. А делает ли это закономерность или стихия, все равно. Для Господа Бога все равно.

Шпенглер не был профессионалом-ученым. Если б он им был, он понял бы равноправие всех категорий воображенья — или судьбы» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 6: [88 об.-91 об.]; Брагинская, 1986: 278).

Хотя Фрейденберг казалось, что в России Шпенглер успел уже «устареть», его влияние еще годы и годы было заметно в русской литературе и мысли (Тиме, 2006: 62–88; Степанова, 2015). Фрейденберг ничего этого не знала, она открыла книгу и зачиталась.

Письма требуют изрядных комментариев, правда, не философского свойства. Скорее нужно пояснить реалии и всякого рода подразумевания, рассчитанные на знание адресатом контекста, для нас темного или вовсе утраченного. Письма не подвергались цензуре (кроме военной, во время оно). Иногда публикаторы убрали необязательные или непонятные без жизненного контекста пассажи. Для идишистских выражений, которые встречаются только в письмах Елене Лившиц и Соне Поляковой, таким контекстом является в целом присущая автору посланий смеховая стихия. До определенного времени Фрейденберг писала шуточные доклады, шуточные прото-

¹ Имеется в виду Иван Иванович Димитриев, из солдат произведенный в офицеры «за храбрость», георгиевский кавалер, один из подопечных Фрейденберг как сестры милосердия, к которому она питала горячую симпатию, называла его через запятую «нареченным братом, женихом моей молодости, страдальцем» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 4: [41 об.]). Жизнь Ивана Ивановича оборвалась на пороге надежды ужасными страданиями. Нелепая смерть и особые обстоятельства этой смерти произвели в Ольге «полный переворот»: «Повязка с воображения упала. Стоял мир, лишенный причинности, голый, механический, полый. И так, содержания не было у жизни! Все, все выдуманно! Жизнь — это экспресс, мчащийся по пустоте без маршрута <...> Все, кроме страдания, представлялось мне миражом» (Там же, тетр. 1-2: [127]). О кризисе 1915 г. она вспомнет в письмах к Елене Лившиц (октябрь 1919 г.), когда столкнется с новым опустошением и разочарованием.

Фрагмент письма М. С. Лившицу о Р.А. Орбели и Е. С. Лившиц, 1913 г.
 (подробнее см. примеч. о Р.А. Орбели к письму М. С. Лившицу
 от 9 декабря 1916 г. в наст. публикации).

колы, всякого рода оды и пародии. А у Елены была роль смехового двойника Фрейденберг, шедшая от их юности: дурашливое сочинение Фрейденберг с рисунками называлось «Лившиц-Царь» (1911), в нем подруга представала в роли шутовского царя (Фрейденберг, 1994; Брагинская, 1994).

Когда Фрейденберг перестала строчить шуточные поэмы и эпиграммы, идиш и смеховой жанр все же остались в письмах Соне, быть может, благодаря памяти об Одессе. Отец и дядя Сони — одесситы, учились в одной гимназии со старшим братом Фрейденберг и фигурировали в общих семейных рассказах.

Все письма — это акты личного общения, обращены они не к нам и не рассчитаны, как это бывает у писателей и общественных деятелей, на грядущую публикацию. Это не риторика на публику. Даже если риторика и присутствует, все равно она не на публику: ее единственный адресат указан на конверте.

Литература

- Аверинцев С. С., Франк-Каменецкий И. Г., Фрейденберг О. М. (2001). От слова к смыслу: проблемы тропогенеза. М.: УРСС.
- Брагинская Н. В. (1986). О работе О. М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига. С. 272–283.
- Брагинская Н. В. (1994). Елена Лившиц — Ольга Фрейденберг, или Травестия близнечного мифа: [посл. к публ. О. М. Фрейденберг «Лившиц-царь»] // Новое литературное обозрение. № 6. С. 107–115.
- Брагинская Н. В. (1995). Siste, viator! (предисл. к докладу О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей: Человек в истории: Представления о власти. М.: Наука. С. 244–271.
- Брагинская Н. В. (2017). Русская революция в мемуарах и письмах О. Фрейденберг // Вопросы литературы. № 5. С. 12–15.
- Костенко Н. Ю. (публ.) (2017) Четыре письма О. М. Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 4 (25). С. 142–148.
- Костенко Н. Ю. (публ.) (2018). Три письма Ольги Фрейденберг: [письмо Фрейденберг — Поляковой] / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 3 (36). С. 145–148.
- Костенко Н. Ю., Флейшман Л. С. (публ.) (2017). Из семейной переписки Пастернаков. Письма О. М. и А. О. Фрейденберг к родным в Германии / публикация Н. Ю. Костенко и Л. С. Флейшмана // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / под ред. Лазаря Флейшмана. М.: Азбуковник. С. 21–155.

- Лейтейзен Ц.* (1936). Вредная галиматья // Известия. 21 сентября.
- Пастернак Б. Л.* (1981). Переписка с Ольгой Фрейденберг / под ред. и с коммент. Э. Моссмана. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich.
- Посмертные публикации О. М. Фрейденберг // Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг (1890–1955). URL: <http://freidenberg.ru/Personalija/Posmertnyepublikacii2000> (дата обращения 04.05.2019).
- Рильке Р. М.* (2000). Дыхание лирики: переписка с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком: письма 1926 г. / [сост. К. М. Азадовский и др. 2. изд., испр. и доп.]. М.: Арт-Флекс.
- Степанова А. А.* (2015). «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920 — 1930-х гг.: поэтология фаустовской культуры. СПб.: Алетейя.
- Тиме Г. А.* (2006). Закат Европы как «центральная мысль русской философии»: (о мировоззренческой самоидентификации России в начале 1920-х гг.) // XX век. Двадцатые годы: из истории международных связей русской литературы. СПб.: Наука. С. 62–88.
- Франк-Каменецкий И. Г.* (2004). Колесница Иеговы. М.: Лабиринт (Труды по библейской мифологии).
- Фрейденберг О. М.* (1995). О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках: (из служебного дневника) / публ. и коммент. Н. В. Брагинской // Одиссей: человек в истории: представления о власти. М.: Наука. С. 272–297.
- Фрейденберг О. М.* (1994). Лившиц-царь: утопия самого мрачного свойства, и даже с иллюстрациями / публ. подгот. М. Ю. Сорокиной; посл. Н. В. Брагинской // Новое литературное обозрение. № 6. С. 100–105.
- Фрейденберг О. М.* Пробег жизни. Тетр. 1–2 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 4.
- Фрейденберг О. М.* Пробег жизни. Тетр. 4 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 5.
- Фрейденберг О. М.* Пробег жизни. Тетр. 6 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 7.
- Фрейденберг О. М.* Пробег жизни. Тетр. 24 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 157. Folder 1.

References

- Averincev S. S., Frank-Kameneckij I. G., Frejdenberg O. M.* (2001). Ot slova k smyslu: problemy tropogeneza. M.: URSS.
- Braginskaja N. V.* (1986). O rabote O. M. Frejdenberg «Sistema literaturnogo sjuzheta» // Tynjanovskij sbornik. Vtorye Tynjanovskie chtenija. Riga. S. 272–283.
- Braginskaja N. V.* (1994). Elena Livshic — Ol'ga Frejdenberg, ili Travestija bliznechnogo mifa: [posl. k publ. O. M. Frejdenberg «Livshic-car'»] // Novoe literaturnoe obozrenie. № 6. S. 107–115.
- Braginskaja N. V.* (1995). Siste, viator! (predisl. k dokladu O. M. Frejdenberg «O nepodvizhnyh sjuzhetah i brodjachih teoretikah») // Odissej: Chelovek v istorii: Predstavlenija o vlasti. M.: Nauka. S. 244–271.

- Braginskaja N. V.* (2017). Russkaja revoljucija v memuarah i pis'mah O. Frejdenberg // *Voprosy literatury*. № 5. S. 12–15.
- Kostenko N. Ju.* (publ.) (2017) Chetyre pis'ma O. M. Frejdenberg / publ., vstup. st. i komment. N. Ju. Kostenko // *Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie»*. № 4 (25). S. 142–148.
- Kostenko N. Ju.* (publ.) (2018). Tri pis'ma Ol'gi Frejdenberg: [pis'mo Frejdenberg — Poljakovoj] / publ., vstup. st. i komment. N. Ju. Kostenko // *Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie»*. № 3 (36). S. 145–148.
- Kostenko N. Ju., Flejshman L. S.* (publ.) (2017). Iz semejnoy perepiski Pasternakov. Pis'ma O. M. i A. O. Frejdenberg k rodnym v Germanii / publikacija N. Ju. Kostenko i L. S. Flejshmana // *Novoe o Pasternakah: materialy Pasternakovskoj konferencii 2015 goda v Stjenforde / pod red. Lazarja Flejshmana*. M.: Azbukovnik. S. 21–155.
- Lejtejzen C.* (1936). Vrednaja galimat'ja // *Izvestija*. 21 sentjabrja.
- Pasternak B. L.* (1981). Perepiska s Ol'goj Frejdenberg / pod red. i s komment. Je. Mossmana. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich.
- Posmertnye publikacii O. M. Frejdenberg // *Jelektronnyj arhiv Ol'gi Mihajlovny Frejdenberg (1890-1955)*. URL: <http://freidenberg.ru/Personalija/Posmertnyepublikacii2000> (data obrashhenija 04. 05. 2019).
- Ril'ke R. M.* (2000). Dyhanie liriki: perepiska s Marinoj Cvetaevoj i Borisom Pasternakom: pis'ma 1926 g. / [sost. K.M. Azadovskij i dr. 2. izd., ispr. i dop.]. M.: Art-Fleks.
- Stepanova A. A.* (2015). «Zakat Evropy» Osval'da Shpenglera i literaturnyj process 1920 — 1930-h gg.: pojetologija faustovskoj kul'tury. SPb.: Aletejja.
- Time G. A.* (2006). Zakat Evropy kak «central'naja mysl' russkoj filosofii»: (o mirovozzrencheskoj samoidentifikacii Rossii v nachale 1920-h gg.) // *XX vek. Dvadcatye gody: iz istorii mezhdunarodnyh svjazej russkoj literatury*. SPb.: Nauka. S. 62–88.
- Frank-Kameneckij I. G.* (2004). Kolesnica Iegovy. M.: Labirint (Trudy po biblejskoj mifologii).
- Frejdenberg O. M.* (1995). O nepodvizhnyh sjuzhetah i brodjachih teoretikah: (iz sluzhebnoho dnevnika) / publ. i komment. N. V. Braginskoj // *Odissej: chelovek v istorii: predstavlenija o vlasti*. M.: Nauka. S. 272–297.
- Frejdenberg O. M.* (1994). Livshic-car': utopija samogo mrachnogo svojstva, i dazhe s illjustracijami / publ. podgot. M. Ju. Sorokinoj; posl. N. V. Braginskoj // *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 6. S. 100–105.
- Frejdenberg O. M.* Probeg zhizni. Tetr. 1–2 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 4.
- Frejdenberg O. M.* Probeg zhizni. Tetr. 4 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 5.
- Frejdenberg O. M.* Probeg zhizni. Tetr. 6 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 7.
- Frejdenberg O. M.* Probeg zhizni. Tetr. 24 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 157. Folder 1.